

И. Забелин

**Домашний быт русского
народа в XVI и XVII**

Том 1. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. Забелин**
Домашний быт русского народа в XVI и XVII: Том 1. Часть 1 / И. Забелин –
М.: Книга по Требованию, 2015. – 672 с.

ISBN 978-5-4241-5716-5

Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Изд.3-е с дополнениями.

ISBN 978-5-4241-5716-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ГЛАВА I. ГОСУДАРЕВЪ ДВОРЪ ИЛИ ДВОРЕЦЪ. Вступленіе: значеніе имени государь въ древней Руси. Политическое развитіе этого значенія: великій государь московскій 1—13. Значеніе Москвы, какъ вотчиннаго города московскихъ князей 14. Мѣсто перваго ихъ заселенія въ Москвѣ 18. Общее понятіе о княземъ дворѣ въ древней Руси 20. Дворецъ первыхъ московскихъ князей 24. Общій обзоръ древнихъ хоромныхъ построекъ 26. Способы построекъ и плотничное дѣло 31. Составъ деревяннаго государева дворца 38. Дворецъ Коломенскій, какъ типъ древнихъ хоромныхъ построекъ 40. Каменный Кремлевскій дворецъ и исторія его первоначальной постройки 43. Его расположеніе въ началѣ XVI в. 47. Исторія дворца при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и его преемникахъ 50. Запустѣніе дворца въ московскую розруху 54. Его обновленіе и новыя постройки при царѣ Михаилѣ 55. Новыя украшенія дворца при царѣ Алексѣѣ 60. Распространеніе и украшеніе дворца при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ и въ правленіе царевны Софьи 63. Расположеніе дворца и его составъ въ концѣ XVII ст. 68. Теремный дворецъ 72. Дворцовыя церкви 74. Верховыя сады 75. Служебныя зданія дворца 84. Башенныя часы 90. Запустѣніе и постепенное разрушеніе дворцовыхъ зданій въ XVIII ст. 94.

ГЛАВА II. ГОСУДАРЕВЪ ДВОРЪ ИЛИ ДВОРЕЦЪ. Вышній видъ дворца и наружныя украшенія зданій 108. Рѣзное деревянное и каменное дѣло древнерусское 110. Намѣтная фигурная рѣзба, вошедшая въ употребленіе при Алексѣѣ Михайловичѣ 113. Расписываніе наружныхъ украшеній красками 114. Иконы на дворцовыхъ воротахъ 116. Внутренній нарядъ хоромъ: нарядъ плотничій и вообще строгильный: мосты или полы, лавки, конки и пр. 116. Рѣзныя подволоки 117. Устройство оконъ и оконницъ 119. Оконный и дверной приборъ 120. Печи 121. Нарядъ хоромный шатерничій, обои суконныя и другихъ матерій 122. Золотыя и серебряныя обои 123. Полабочники 124. Бумажники, тюеяки, завѣсы 125. Особенное богатство хоромнаго наряда 126. Палатная и хоромная живопись или стѣнное и подволочное письмо 127. Стѣнопись Палаты: Золотой 123, Грановитой 133. Золотой царицыной 134. Подволочное письмо столовой набы, звѣздоточное небесное движеніе и бѣги небесныя 135. Такое же письмо загородныхъ столовыхъ 136. Письмо постельныхъ хоромъ 137. Хоромное стѣнное письмо 138. Описаніе комнатной стѣнописи въ хорамахъ царевенъ 141. Хоромное письмо въ Коломенскомъ дворцѣ 147. Общій характеръ хоромнаго письма 148. Царскіе мѣста или престолы 150. Общая характеристика дворцоваго великолѣпія 158. Меблировка хоромъ: столы 160. Скамьи, стулья, кресла 164. Зеркала 167. Картины живописныя 171. Парсуны или портреты 174. Фряжскіе листы, вѣстампы 176. Часы 180. Органы 184. Базени, поставцы, шафы, сирни и другая мебель 186. Паникадила, подсвѣчники, шенданы 188. Свѣчи 191. Куреня 192. Чистота 193. Частный обзоръ комнатъ: Передняя 194. Комната 194. Письменный столъ 195. Поставцы съ дорогою и затѣйливою посудою 197. Рѣдкости и драгоценности 198. Хоромныя птицы: попугай и пр. 200.—Брестовая 202. Молебный иконостасъ и святини 203. Свѣчи,

наполн, четки, гѣстовицы 206. Крестовые попы и дѣйки 208. Спальня: кровати 210. Постели 213. Бѣлье 216. Уборные зеркала 219. Гребни и гребенки 220. Мыло 221. Готовальня 222. Румяна, бѣлва и пр. Духи 223. Опахала. Будильники 224. Мыленка 225.

ГЛАВА III. Государевъ дворъ или дворецъ. Значеніе и честь государева двора 228. Пріѣздъ 230. Кто пользовался свободнымъ входомъ 232. Запрещеніе входить во дворецъ меньшимъ чинамъ 233. Запрещеніе входить съ оружіемъ и въ болязняхъ 238. Нарушеніе чести государева двора непригожимъ словомъ 239. Караулъ 240. Значеніе царскихъ палатъ въ отношеніи обрядовъ, пріемовъ, собраній и въ домашней жизни государя. Значеніе Грановитой 240. Золотой 241. Царицной Золотой. Столовой 242. Панихидной. Ответной 243. Государевой Передней и Комнаты или теремнаго дворца 244. Значеніе крылецъ. Встрѣчи 252. Дневальныя записки о погодѣ и дворцовомъ караулѣ 254. Постельное крыльцо, какъ площадь или сборное мѣсто дворянства 258 Дѣла о нарушеніи чести государева двора и о дворянскомъ безчестьѣ 259—312.

ГЛАВА IV. Обрядъ государевой жизни, комнатной и выходной. Очеркъ комнатной жизни государя, его занятія и препровожденіе времени въ теченіе дня 313. Утренняя молитва 314. Пріѣздъ бояръ, выходъ къ обѣдѣ 315 Дума 316. Столовое кушанье 317. Время послѣ обѣда, развлеченія и увеселенія 319. Богомольные выходы обихованные и праздничные въ теченіе всего года 322 Церковныя празднества и дѣйства: Новолѣтіе 326. Рождество 329. Славленіе 331. Крещеніе 335. Иордань 339. Дѣйство страшнаго суда 341. Прощеные дни масляницы 343. Первая недѣля поста 346. Дѣйство православія 347. Благовѣщеніе 348. Цвѣтоносіе и шествіе на ослици 349. Прощеніе на Страстной 356. Святая 357. Великоденскіе дары и приносы 362. Троицкій день 368. Государево погруженіе во Иордань на Происхожденіевъ день 369. Крестные ходы 370.

МАТЕРІАЛЫ: Исторія постройки и описъ Коломенскаго дворца. 3. Исторія постройки и описъ Измайловскаго дворца. 38. Описи дворовъ и хоромъ боярскихъ, помѣщичьихъ и др. 98 Записки подрядныхъ стряпчныхъ дѣлъ 126. Рваныхъ дѣлъ 149. Записки дневальныхъ плотничныхъ работъ по наряду хоромъ и заготовкѣ разной мебели 153. Записки о наружныхъ украшеніяхъ 160. Стройный нарядъ хоромъ 161. Шатерничій нарядъ хоромъ 168. Живописныя украшенія 191. Записки о разныхъ предметахъ старинной мебели 191. Освященія 204. Комнатной чистоты 206. Записки о предметахъ Моленной или Крестовой комнаты 208. Спальной комнаты 214. Уборной комнаты 219. Мыслики. 230. Записки касательно богомольныхъ выходовъ и разныхъ обычаевъ и обрядовъ по случаю церковныхъ и другихъ празднествъ 233—249.

Указатель предметовъ, упоминаемыхъ въ матеріалахъ 250—256.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ 257—263.

Въ настоящее время совершенно излишне говорить о томъ, какое важное значеніе, при теперешнемъ направленіи историческихъ работъ, получаетъ изученіе домашняго быта, *жизля-бытля* отжившихъ поколѣній. Выводы науки, даже событія современной жизни съ каждымъ днемъ все больше раскрываютъ истину, что домашній бытъ челоуѣка есть среда, въ которой лежатъ зародыши и зачатки всѣхъ, такъ называемыхъ, великихъ событій его исторіи, зародыши и зачатки его развитія и всевозможныхъ явленій его жизни общественной и политической или государственной. Это въ собственномъ смыслѣ *историческая природа* челоуѣка, столько же сильная и столько же разнообразная въ своихъ дѣйствіяхъ и явленіяхъ, какъ и природа его физическаго существованія. Ея естественная, непосредственная сила не разъ обнаруживалась и постоянно обнаруживается во всѣхъ случаяхъ, когда думаютъ дѣйствовать на нее путемъ внѣшняго, механическаго принужденія. Государственныя и административныя реформы, политическіе опыты въ перестройкѣ народнаго быта никогда не удавались, если въ нихъ не было ничего сроднаго и соответственнаго требованіямъ и потребностямъ этой природы. Въ этомъ отношеніи мало помогали не только жестокія принудительныя мѣры, но даже и время; по крайней мѣрѣ въ иныхъ случаяхъ цѣлыя столѣтія проходили почти безъ всякаго успѣха для настойчивости реформъ и дѣло, если и не оставалось въ прежнемъ положеніи въ силу жизненной измѣняемости, то принимало совершенно неожиданный исходъ, вовсе не отвѣчавшій предположеннымъ цѣлямъ и намѣреніямъ. Наша исторія представляетъ самое убѣдительное доказательство необыкновенной силы и живучести непосредственныхъ народныхъ элементовъ жизни и даже самыхъ формъ, въ которыхъ эти

элементы выразились. Такъ, болѣе полутора ста лѣтъ мы находимся подъ вліяніемъ непрерывныхъ реформъ; очень многими, и къ добру, мы воспользовались въ теченіи этихъ неумолимыхъ перестроекъ; многое вошло въ нашу плоть и кровь; но неизмѣримо больше остается еще въ прежнемъ положеніи и очень часто наши мысли, поступки и дѣйствія, и внизу и вверху, обличаютъ въ насъ людей XVI и XVII ст., такъ что, если всмотрѣться и вдуматься поглубже, то нельзя будетъ отчаяваться въ сохранности нашей родной старины даже и тѣмъ мнѣніямъ, которыя убѣждены, что съ реформою Петра все старое погибло, и что по этому развитіе наше идетъ будто бы криво.

Народная жизнь не поддается механическимъ тискамъ; она отвергаетъ все, что несродно и несвойственно ея природѣ; путь, по которому она усваиваетъ себѣ хорошее и дурное, есть путь физиологической, а не механической. Сила народнаго быта есть сила самой природы, и чтобы съ успѣхомъ руководить ею, направлять въ ту или другую сторону ходъ ея развитія, чтобъ съ успѣхомъ служить ей, какъ обыкновенно говорятъ, для ея счастья и блага, необходимо прежде хорошо и подробно узнать ея свойства, внимательно прислушаться къ ея требованіямъ, узнать непосредственные родники ея жизни, всегда глубоко скрытые въ мелочныхъ и многообразныхъ бытовыхъ условіяхъ. Конечно удовлетворить такимъ запросамъ очень трудно и тѣмъ болѣе, что наука не слишкомъ давно обратила надлежащее вниманіе на эти запросы и не успѣла еще приготовить достаточно матеріала для ихъ разрѣшенія. Здѣсь требуются самыя мелочныя и копотливыя, въ полномъ смыслѣ микроскопическія, наблюденія и изслѣдованія, которыя въ большинствѣ случаевъ не представляютъ никакого блеска, а слѣдовательно и благодарности въ своихъ выводахъ и результатахъ. Но предметъ такъ важенъ, что за трудностію и неблагодарностію работы нельзя откладывать его разъясненія. Мы полагаемъ, что отъ его обработки вполне зависитъ не только правильное пониманіе своей исторіи, но и самый способъ ея изложенія. У насъ особенно настоятельна обработка бытовой исторіи,

исторіи внутренняго развитія, домашнихъ дѣлъ и отношеній народа, словомъ исторіи народнаго житья-бытья, потому что наша исторія, по случаю слабаго, почти ничтожнаго развитія исторической личности, представляетъ самый наглядный примѣръ народнаго развитія изъ непосредственныхъ, природныхъ или вѣрнѣе сказать первобытныхъ началъ жизни. Интересъ нашей политической исторіи слабъ и блѣденъ и потому, можетъ быть, очень часто возбуждаетъ, незаслуженные впрочемъ, упреки и нареканія работамъ нашихъ историковъ. Какъ ни стараются въ иныхъ случаяхъ подогрѣвать его взятыми на прокатъ идеями западной исторіи, дѣло впередъ не подвигается и распространяетъ только въ обществѣ ложныя и обманчивыя понятія и представленія о нашей древности.

Интересъ нашей исторіи заключается по преимуществу, какъ мы сказали, въ непосредственномъ физиологическомъ ростѣ нашей цивилизаціи, въ отсутствіи именно тѣхъ элементовъ, которые двигали развитіе на западъ и въ присутствіи такихъ, которые сближаютъ насъ болѣе съ востокомъ, т. е. вообще съ народами, не касавшимися въ своемъ развитіи того богатаго наслѣдства древней образованности, какимъ воспользовались народы западные. Мы не получили этого наслѣдства, не попали въ эту цивилизующую школу вѣками выработанныхъ началъ и умственнаго и общественнаго развитія. Мы, напротивъ, очень долго росли, какъ цвѣтъ сельный, на степной волѣ, оставленные самимъ себѣ, какъ тотъ любимый герой нашихъ сказокъ, обойденный, загнанный братьями, обдѣленный отцовскимъ наслѣдствомъ, въ лицѣ котораго народъ инстинктивно рисуетъ собственную долю. Собственными силами и разумомъ самой жизни, медленно и тяжело, мы созидали свою самостоятельность. Намъ отказала въ помощи даже сама природа и въ то время, какъ европейскіе народы, двигаясь поступательно къ западу, всюду встрѣчали не только богатство естественныхъ условій, но даже, какъ напр. среди племенъ Америки, значительную долю гражданскаго развитія, — мы, принужденные двигаться по глубокому сѣверу на востокъ, встрѣчали на пути тѣ же

непроходимые лѣса, неоглядныя тундры и степи и скудныя начатки цивилизаціи, передъ которыми первенствовало даже наше слишкомъ молодое еще развитіе. Сколько же внутренней силы и жизненности народнаго духа нужно было для того, чтобы выйдти непобѣжденнымъ изъ такихъ враждебныхъ условій жизни, чтобы наконецъ стать твердо и мужественно среди народовъ болѣе счастливыхъ и несравненно болѣе богатыхъ и дарами естественныхъ условій и дарами человѣческаго развитія. Въ этой-то силѣ и жизненности и заключается смыслъ нашей исторіи. Но раскрыть этотъ смыслъ одною политическою стороною нашего прошедшаго невозможно, ибо кромѣ того, что это все-таки одна только сторона, у насъ въ добавокъ она еще сторона слишкомъ блѣдная. Для подробнаго уясненія и сознательнаго пониманія своей исторической доли, намъ необходимо съ особеннымъ вниманіемъ углубиться въ изученіе внутренняго народнаго развитія, которое въ своихъ послѣдовательныхъ ступеняхъ представить несравненно больше интереса и несравненно правдивѣе расскажетъ намъ нашу родную быль.

Само собою разумѣется, что въ исторіи внутренняго развитія домашній бытъ народа составляетъ основной узелъ; покрайней мѣрѣ въ его уставахъ, порядкахъ, въ его нравственныхъ началахъ кроются основы всего общественнаго строя земли, не исключая и политической формы. Въ его средѣ воспитывается каждый дѣтель земли и мало по малу создаются тѣ силы, которыя потомъ управляютъ ходомъ исторіи. Поэтому домашній народный бытъ становится ближайшимъ предметомъ въ изученіи бытовой исторіи и по необходимости занимаетъ въ ней начальное мѣсто.

Какой же наиболѣе вѣрный способъ обрабатывать исторію домашняго народнаго быта? Предметъ до чрезвычайности обширенъ, разнообразенъ, мелоченъ и дробенъ. Требуется особенное вниманіе и страшно копотливая работа только для того, чтобы собрать въ одно мѣсто необходимый матеріалъ... Но еще труднѣе дать этому матеріалу научную форму, покрайней мѣрѣ на столько, чтобы облегчить послѣдующія работы, т. е. разобрать, распределить

этот материалъ, связать въ одно научное цѣлое, чтобы самъ онъ, помимо нашихъ указаній и толкованій, выговорилъ заключительное слово, т. е. научный выводъ, результатъ изслѣдованія.

Все это представляетъ неимоверныя трудности особенно по той причинѣ, что какъ ни велико множество матеріаловъ этого рода, оно все-таки отличается замѣчательною неполнотою. Вы ежеминутно встрѣчаете пробѣлы, самые мелочныя, но однакожь такіе, которые затрудняютъ дѣло до невѣроятности. Добросовѣстное отношеніе къ фактамъ не позволяетъ вамъ двинуться съ мѣста по случаю такихъ пробѣловъ и работа при всемъ вашемъ усиліи не достигаетъ того желаннаго заключительнаго слова.

Обыкновенный способъ обработки бытовой исторіи заключается въ томъ, что разновременныя, разномѣстныя и разнословныя бытовые факты сводятъ подъ известное оглавленіе и такимъ образомъ составляютъ рассказъ о той или другой сторонѣ быта, о томъ или другомъ порядкѣ жизни. При первоначальныхъ работахъ такой способъ почти миновать нельзя. Но должно сознаться, что онъ грѣшитъ излишнимъ обобщеніемъ фактовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ или долженъ представлять какъ бы общую черту, не выясняя однакожь того или другаго общаго типа жизни, а рисуя только вообще жизнь народа въ известный періодъ времени, иногда очень значительнаго объема.

Намъ кажется, что этимъ способомъ мы едва ли получимъ надлежащее, истинное понятіе о свойствахъ и типическомъ характерѣ прожитой жизни, что изслѣдованія наши мы начинаемъ съ конца, а не съ начала, ибо составляемъ характеристику общаго типа въ то время, когда намъ все неизвѣстны типы частныя, къ которымъ всегда относится самая наибольшая часть собираемыхъ нами фактовъ и *общее* которыхъ, одно оно, только и можетъ характеризовать общій типъ народной жизни. Поэтому, намъ кажется, мы должны остановить свое вниманіе прежде всего на изученіи этихъ частныхъ типовъ, мы должны непременно раскрыть ихъ, еслибы и не были они замѣтны на первый поверхностный

взглядъ, ибо жизнь, какъ ни разнообразна до безчисленности ея формы и явленія, и въ физическомъ и въ нравственномъ мѣрѣ, всегда складывается или выражаетъ себя въ извѣстныхъ типахъ. Въ естествознаніи это роды и виды органической жизни. Подобные роды и виды существуютъ въ нравственномъ человѣческомъ мѣрѣ подъ именемъ типовъ. Задача искусства въ томъ именно и заключается, чтобы пластически выразить въ одномъ типѣ все то, что разбросанное и какъ бы разрозненное вращается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ однакожь, по свойству своей нравственной природы, къ одному и тому же роду или виду. Наука съ своей стороны помогаетъ искусству и собираетъ матеріалъ для художественнаго воплощенія въ одно цѣлое разрозненныхъ и повидимому чуждыхъ другъ другу атомовъ нравственной жизни. Въ этомъ случаѣ необходимо совершается естественный процессъ человѣческаго творчества: возводитъ знаніе въ актъ сознанія, къ чему ведетъ и конечная цѣль самой исторіи.

Обращаясь къ нашему предмету мы, даже и на первый взглядъ, можемъ указать нѣсколько точекъ, около которыхъ по преимуществу должно бы сосредоточиваться изученіе домашняго народнаго быта, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ времени, назначенныхъ для подлежащихъ размысканій. Такъ, наиболѣе замѣтный, передовой типъ нашей исторіи есть «*государь* или «*господарь*», не въ тѣсномъ смыслѣ государя политическаго, а въ смыслѣ общемъ, какъ собственника и владѣльца, хозяина, который и въ общей жизни именовался тѣмъ же словомъ и впоследствии уже выдѣлалъ изъ себя политическое явленіе, о чемъ мы подробнѣе говоримъ во вступленіи къ этой книгѣ. Не смотря на огромную, повидимому, разницу между политическимъ значеніемъ этого типа и частнымъ домашнимъ его значеніемъ, въ немъ всегда остается и вездѣ сохраняется существенный смыслъ его жизненной роли, этотъ владѣющій, властный смыслъ. Само собой разумѣется, что преобладающее значеніе этого типа въ жизни всегда остается за тѣмъ разрядомъ лицъ, который въ первобытномъ обществѣ играетъ главную, передовую роль, именно за разрядомъ лицъ военнаго званія

- или сословія, какова напр. въ нашей исторіи была княжеская дружина. Такимъ образомъ типъ господаря, кромѣ его общаго владѣльческаго и такъ сказать хозяйскаго значенія, съ теченіемъ времени сосредоточиваетъ свои основныя черты не на однихъ только лицахъ княжескаго происхожденія, но столько же на сословіи дружинниковъ-бояръ съ дробнымъ его видоизмѣненіемъ дѣтей боярскихъ и вообще такъ называемаго дворянства. Это была среда, въ которой элементы государскаго типа составляли существенное ея свойство. Здѣсь форма быта, а слѣд. и его начала, основы, были во всѣхъ видоизмѣненіяхъ одни и тѣ же. Поэтому и изученіе этого типа должно обнимать жизнь боярства или дворянства вообще со всеми его служебными подраздѣленіями и жизненными видоизмѣненіями. Можно только для удобства въ обработкѣ предмета, а главное, для большей опредѣленности изслѣдованій, рассматривать этотъ типъ въ трехъ его главныхъ и общихъ видахъ, именно: бытъ лучшихъ людей, бытъ среднихъ людей и бытъ младшихъ людей того же типа, какъ всегда очень вѣрно распредѣляли бытовые отношенія наши здравомыслящіе предки. Въ древнемъ домашнемъ бытѣ царей мы раскрываемъ верховное значеніе этого типа и потомъ постепенно придемъ къ младшей его вѣтви къ дѣтямъ боярскимъ, этой рядовой княжеской дружинѣ.

Тѣмъ же путемъ можно изучать типъ *«земца—кормителя»* во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, какія условливались тою или другою отраслю занятій и точно также съ раздѣленіемъ быта на лучшую, среднюю и младшую среду. Земледѣліе, торговля, разнаго рода промышленность, ремесленность и всякое художество, которое доставляло средства существованія земскимъ людямъ и въ то же время опредѣляло характеристику самого человѣка и его бытовыхъ отношеній, представляютъ болѣе или менѣе значительныя варіаціи одного и того же земскаго быта или вообще земства. Здѣсь наиболѣе виднымъ лицомъ становится по естественной причинѣ капиталистъ—гость, этотъ господарь-хозяинъ въ собственномъ смыслѣ. Младшія вѣтви этого типа теряются въ посадскихъ и чернослободскихъ «си-

ротахъ», которымъ трудолюбіе, оборотливость, «промыслъ» въ смыслъ дарованій ума и опытности, всегда открывали широкую и свободную дорогу въ первые ряды земства.

Далѣе, «казачество», есть также совсѣмъ особый порядокъ отношеній, особая стихія жизни, требующая, какъ особый ея типъ, отдѣльнаго независимаго изслѣдованія. Не ограничивая его значенія одною какою-либо мѣстностью или историческимъ періодомъ, необходимо разсмотрѣть существенныя стороны этого типа въ общемъ его явленіи. Казачество—сначала, какъ отрицаніе земскихъ условій жизни, а потомъ какъ своеобразно сложившееся земство,—въ нашей исторіи имѣетъ особенное значеніе. Жизненная сила его была такъ велика, что оно сплотилось было въ политическій типъ, постепенное разложеніе котораго и окончательное исчезновеніе совершилось не столько отъ обстоятельствъ, неблагоприятствовавшихъ его развитію, сколько вообще отъ направленія общенсторическихъ идей времени.

Вотъ общіе, главнѣйшіе раздѣлы изученія домашняго народнаго быта. Мы не упоминаемъ о посредствующихъ звеньяхъ болѣе или менѣе также замѣчательныхъ, хотя и не имѣющихъ такого широкаго значенія. Типъ церковника, типъ дьяка и подъячаго, типъ двороваго слуги, холопа вообще и т. д. должны сопровождаться не меньшимъ вниманіемъ въ изученіи положеній, силъ и формъ древней жизни. При этомъ, такъ сказать, въ высшемъ распредѣленіи типовъ, нельзя забывать внутренней ихъ связи, которая по законамъ жизни сливается ихъ въ одно цѣлое, ставитъ ихъ въ неразрывную зависимость другъ отъ друга, такъ что раздѣльное ихъ изученіе есть только неизбѣжный путь научныхъ изслѣдованій.

Когда такимъ способомъ обработки будутъ раскрыты частныя типы, то общій типъ народной жизни не замедлитъ раскрыться самъ собою и только тогда будутъ возможны полныя и вѣрныя характеристики не только частныхъ, но и общественныхъ формъ народнаго быта.

Само собою разумѣется, что такой планъ изученія требуетъ самой мелочной копотливой работы и совершенно